

GOTTLIEB FREGE
CRITICAL ASSESSMENTS
OF LEADING PHILOSOPHERS

Edited by
Michael Beaney and
Erich H. Reck

Annotation

Нет слов

- [Мысль. Логическое исследование](#)

-

Готлоб Фреге

МЫСЛЬ: ЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Эстетика соотносится с прекрасным, этика - с добром, а логика - с истиной. Конечно, истина является целью любой науки; но для логики истина важна и в другом отношении. Логика связана с истиной примерно так же, как физика - с тяготением или с теплотой. Открывать истины - задача любой науки; логика же предназначена для познания законов истинности. Слово "закон" можно понимать в двух аспектах. Когда мы говорим о законах нравственности или законах определенного государства, мы имеем в виду правила, которым необходимо следовать, но с которыми происходящее в действительности не всегда согласуется. Законы же природы отражают общее в явлениях природы; следовательно, все, что происходит в природе, всегда соответствует этим законам. Именно в этом последнем смысле я и говорю о законах истинности. Правда, речь в этом случае идет не о событии [Geschehen], а о некотором бытии [ein Sein]. Из законов истинности выводятся в свою очередь правила, определяющие мышление, суждения, умозаключения. И таким образом, можно говорить о существовании законов мышления. Здесь, однако, возникает опасность смешения двух различных понятий. Можно представить себе, что законы мышления подобны законам природы и отражают общее в психических явлениях, имеющих место при мышлении. Законы мышления в этом случае были бы психологическими законами. Рассуждая таким образом, можно было бы прийти к заключению, что в логике изучаются психологический процесс мышления и те психологические законы, в соответствии с которыми он происходит. Но задача логики была бы в этом случае определена совершенно неверно, поскольку роль истины при таком понимании оказалась бы несправедливо преуменьшенной. Заблуждение или суеверие, точно так же как и истинное знание, имеют свои причины. Истинное и ложное умозаключения в равной мере происходят в соответствии с психологическими законами. Выводы из этих законов и описание психического процесса, который приводит к некоторому умозаключению, не могут прояснить то, к чему относится соответствующее умозаключение. Может быть, логические законы также участвуют в этом психическом процессе? Не стану оспаривать; но, если речь идет об истине, одной возможности еще недостаточно. Возможно, что и нелогическое участвует в этом процессе, уводя в сторону от истины. Только после того, как мы познаем законы истинности, мы сможем решить эту проблему; однако в случае, когда нам необходимо установить, справедливо ли умозаключение, к которому этот процесс приводит, можно, вероятно, обойтись и без описания психического процесса. Чтобы исключить всякое неправильное понимание и воспрепятствовать стиранию границ между психологией и логикой, я буду считать задачей логики обнаружение законов истинности, а не законов мышления. В законах истинности раскрывается значение слова "истинный".

Прежде всего, однако, я хотел бы попытаться дать самое общее представление о том, что я в дальнейшем буду называть истинным. Тогда можно будет полностью отвлечься от тех употреблений данного слова, которые окажутся за рамками нашего определения. Слово "истинный" [wahr] будет употребляться не в смысле "настоящий, подлинный" [wahrhaftig] или "правдивый" [wahrheitsliebend] и не так, как оно иногда употребляется при обсуждении проблем искусства, когда, например, говорят об оправде [Wahrheit] искусства, когда провозглашается, что целью искусства является правда, когда обсуждается правдивость какого-либо произведения искусства или достоверность впечатления. Часто также слово "wahr" прибавляют к некоторому другому слову, желая подчеркнуть, что это последнее надлежит понимать в его собственном,

прямом смысле. Такие употребления тоже не относятся к исследуемой здесь теме. Мы имеем в виду лишь ту истину, познание которой является целью науки.

Слово "истинный" в языке является прилагательным, то есть обозначает свойство. В связи с этим возникает желание более строго определить ту область, где вообще может быть применимо понятие истинности. Истинность может быть свойственна изображениям [Bildern], представлениям, предложениям и мыслям. Кажется неожиданным, что в этом ряду объединены вещи [Dinge], воспринимаемые зрением или слухом, и вещи [Sachen], которые недоступны чувственному восприятию. Это указывает на то, что мы имеем дело с некоторым смысловым сдвигом. Действительно, разве изображение может быть истинным как таковое, то есть в качестве видимой и осязаемой вещи? Можно ли сказать, что камень или лист неистинны? Разумеется, мы не могли бы назвать изображение истинным, если бы за ним не стоял некоторый замысел. Изображение должно чему-то соответствовать. Точно так же и наше (мысленное) представление признается истинным не само по себе, а лишь в зависимости от того, совпадает ли оно с чем-либо еще или нет. Отсюда можно было бы заключить, что истинность состоит в совпадении изображения с изображаемым. Совпадение есть отношение. Этому, однако, противоречит употребление слова "истинный", которое в языке не выражает никакого отношения и не содержит указаний на второй элемент отношения. Если я не знаю, что некоторое изображение должно изображать Кельнский собор, то я не знаю, с чем следует сравнивать это изображение для того, чтобы вынести суждение относительно его истинности. Точно так же совпадение может иметь место лишь в том случае, если совмещаемые вещи совпадают друг с другом, то есть не являются различными вещами. Подлинность, допустим, банкноты можно установить, проверив для начала, совпадает ли она по размеру с некоторой эталонной банкнотой, то есть простым наложением. Но попытка совместить таким же образом золотую монету и купюру в 20 марок могла бы только вызвать улыбку. Совместить представление вещи с самой вещью было бы возможно, если бы вещь также была представлением: их полное совпадение влекло бы за собой их тождество. Однако, определяя истинность как совпадение с чем-то действительно существующим, имеют в виду совсем не это. При определении истинности существенным является отличие действительности от представления. В этом случае, однако, не может быть полного совпадения и полной истинности. Но тогда вообще ничего нельзя признать истинным; то, что истинно лишь наполовину, уже не истинно. Истина не допускает градаций. Или все же можно констатировать истинность и в том случае, если совпадение имеется лишь в определенном отношении? Но в каком именно? Что мы должны сделать, чтобы убедиться в том, что нечто истинно? Мы должны, очевидно, исследовать, истинно ли то, что нечто - например, представление и действительность - совпадают в определенном отношении. Но это означает, что мы вновь возвращаемся к тому, с чего начали. Таким образом, попытка объяснить истинность с помощью совпадения оказывается несостоятельной. Но таким же образом оказывается несостоятельной и всякая другая попытка определения истинности. Дело в том, что всякий раз в определение истинного включается указание на некоторые признаки; но в каждом конкретном случае необходимо уметь решать, истинно ли то, что эти признаки наличествуют. Так возникает порочный круг. Сказанное заставляет считать весьма вероятным, что содержание слова "истинный" является в высшей степени своеобразным и не поддается определению.

Утверждение об истинности некоторого изображения, собственно, никогда не является утверждением о свойстве, присущем этому изображению совершенно независимо от других вещей; напротив, в таких случаях всегда имеется в виду некоторый другой предмет, и целью говорящего является указание на то, что этот предмет каким-то образом совпадает с изображением. "Мое представление совпадает с Кельнским собором" есть предложение, и мы

будем говорить об истинности этого предложения. Таким образом, то, что часто ошибочно считают истинностью изображений и представлений, мы сводим к истинности предложений. Что называется предложением? Последовательность звуков; однако лишь в том случае, если она имеет смысл, при этом нельзя утверждать, что всякая осмысленная последовательность звуков есть предложение. Когда мы называем предложение истинным, мы имеем в виду, собственно, его смысл. Отсюда следует, что та область, в которой применимо понятие истинности, - это смысл предложения. Является ли смысл предложения представлением? Во всяком случае, истинность здесь состоит не в совпадении этого смысла с чем-то иным: иначе вопрос об истинности повторился бы до бесконечности.

Итак, не давая строгого определения, я буду называть мыслью то, к чему применимо понятие истинности. То, что может быть ложно, я, таким образом, также причисляю к мысли, наряду с тем, что может быть истинно. Следовательно, я могу сказать, что мысль есть смысл предложения, не имея в виду при этом, что смыслом всякого предложения является мысль. Сама по себе вневещная, мысль облекается в чувственную оболочку предложения и становится в результате более понятной для нас. Мы говорим, что предложение выражает мысль.

Мысль - это нечто вневещное, и все чувственно воспринимаемые вещи должны быть исключены из той области, в которой применимо понятие истинности. Истинность не является таким свойством, которое соответствует определенному виду чувственных впечатлений. Таким образом, она резко отличается от свойств, которые мы обозначаем словами "красный", "горький", "ароматный" и т. и. Но разве мы при этом не видим, что это истинно? Тот факт, что солнце взошло, - это не предмет, испускающий лучи, которые попадают в мои глаза; это невидимый предмет, подобный самому солнцу. Тот факт, что солнце взошло, признается истинным благодаря чувственным 'впечатлениям. Однако истинность не является чувственно воспринимаемым свойством. Точно так же магнетизм приписывается вещи на основе чувственных впечатлений, хотя этому свойству, подобно истинности, соответствуют особого рода чувственные впечатления. В этом указанные свойства совпадают. Вместе с тем для определения магнитных свойств тела чувственные впечатления нам необходимы; если же я нахожу истинным, например, что в данный момент я не ощущаю никакого запаха, то делаю это не на основе чувственных впечатлений.

Все же есть основания считать, что мы не можем ни одной вещи приписать какое-либо свойство, не признав одновременно истинной мыслью о том, что данная вещь имеет данное свойство. Таким образом, со всяким свойством вещи связано некоторое свойство мысли, а именно свойство истинности. Следует также обратить внимание на то, что предложение "Я чувствую запах фиалок" имеет то же содержание, что предложение "Истинно, что я чувствую запах фиалок". Таким образом, кажется, что приписывание мысли свойства истинности ничего не прибавляет к самой мысли. Вместе с тем это не так: мы склонны говорить о незаурядном успехе в ситуации, когда, после долгих колебаний и мучительных поисков, исследователь наконец получает право утверждать: "То, что я предполагал, истинно!" Значение слова "истинный", как уже отмечалось, является в высшей степени своеобразным. Быть может, оно соответствует тому, что в обычном смысле никак не может быть названо свойством? Несмотря на это сомнение, я буду в дальнейшем следовать языковому употреблению, как если бы истинность действительно была свойством, до тех пор пока не будет найдено более точного способа выражения.

Для того чтобы глубже исследовать то, что я буду называть мыслью, мне понадобится некоторая классификация предложений. Предложению, выражающему приказ, нельзя отказать в наличии смысла; однако это смысл не того рода, чтобы можно было говорить об истинности соответствующего предложения. Поэтому смысл такого предложения я не буду называть

мыслью. По аналогичным соображениям исключаются и предложения, выражающие желание или просьбу. Будут рассматриваться лишь те предложения, в которых выражается сообщение или утверждение. Я не отношу к их числу возгласы, передающие наши чувства, стоны, вздохи, смех и т. п., хотя они - с некоторыми ограничениями - также предназначены для выражения определенных сообщений. Что можно сказать о вопросительных предложениях? Частный вопрос представляет собой в некотором роде несамостоятельное предложение, которое приобретает истинный смысл только после дополнения его тем, что необходимо для ответа. Поэтому частные вопросы мы можем здесь не рассматривать. Иначе обстоит дело с общими вопросами. В качестве ответа на них мы ожидаем услышать "да" или "нет". Ответ "да" выражает то же самое, что и утвердительное предложение: он указывает на истинность некоторой мысли, которая целиком содержится в вопросительном предложении. Таким образом, для каждого утвердительного предложения можно построить соответствующее ему общевопросительное предложение. Именно поэтому восклицание нельзя рассматривать как сообщение: для восклицательного предложения не может быть построено никакого соответствующего ему вопросительного. Вопросительное предложение и утвердительное предложение содержат одну и ту же мысль; при этом утвердительное предложение содержит и нечто еще, а именно само утверждение. Вопросительное предложение в свою очередь также содержит нечто еще, а именно побуждение. Таким образом, в утвердительном предложении следует различать две части: содержание [Inhalt], которое у этого предложения совпадает с содержанием соответствующего общего вопроса, и утверждение как таковое. Последнее является мыслью или по крайней мере содержит мысль. Возможно, следовательно, такое выражение мысли, которое не содержит указаний относительно ее истинности. В утвердительных предложениях то и другое столь тесно связано, что возможности разделения данных компонентов легко не заметить. Итак, мы будем различать:

1. постижение [Fassen] мысли - мышление [Denken];
2. признание [Anerkennung] истинности мысли - суждение [Urteilen];
3. выражение [Kundgebung] этого суждения - утверждение [Behaupten].

Построение общего вопроса относится к первому этапу этого процесса. Прогресс в науке обычно происходит так, что вначале постигается мысль, выражаемая, например, - в виде общего вопроса; и только впоследствии, после необходимых исследований, эта мысль признается истинной. Признание истинности мы выражаем в форме утвердительного предложения. При этом слово "истинный" нам не требуется. И даже если мы употребляем это слово, собственно утверждающая сила принадлежит не ему, а форме утвердительного предложения как таковой; там же, где оно утрачивает свою утверждающую силу, не может ничего изменить и введение слова "истинный". Это происходит, например, если мы говорим не всерьез. Подобно тому как театральный гром является лишь имитацией грома, театральное сражение - лишь имитацией сражения, так и театральное утверждение является лишь имитацией утверждения. Это лишь игра, лишь вымысел. Актер, играя роль, ничего не утверждает - но он, однако, и не лжет, даже когда он говорит то, в ложности чего он сам уверен. Вымысел является тем случаем, когда выражение мыслей не сопровождается, несмотря на форму утвердительного предложения, действительным утверждением их истинности, хотя у слушающего может возникнуть соответствующее переживание. Таким образом, даже если перед нами нечто по форме являющееся утвердительным предложением, необходима еще дополнительная проверка того, действительно ли в нем содержится утверждение. Ответ будет отрицательным, если, в частности, отсутствует необходимая серьезность. Будет ли при этом употреблено слово "истинный", не имеет значения. Таким образом, оказывается, что, приписывая мысли свойство истинности, мы, по всей вероятности, ничего не добавляем к самой мысли.

Утвердительное предложение, помимо мысли и утверждения, часто содержит еще и третий компонент, на который утверждение не распространяется. Его предназначение обычно заключается в воздействии на эмоции или воображение слушающего: таковы, например, выражения "к сожалению", "слава богу" и т. п. Такие компоненты предложения отчетливее проявляются в поэзии, однако и в прозе их полное отсутствие является редкостью. В математических, физических и химических сочинениях они встречаются реже, нежели в исторических. То, что называют гуманитарными науками, стоит ближе к поэзии, но потому и научного в них меньше, чем в точных науках, которые чем "суше", тем точнее; ибо точная наука устремлена к истине, и только к истине. Таким образом, все компоненты предложения, на которые не распространяется утверждающая сила, не свойственны научному изложению, но даже и те, кто видит связанную с ними опасность, едва ли могут полностью избежать их употребления. Там, где необходимо приблизиться к непостижимому разумом по пути интуиции [Ahnung], указанные компоненты полностью оправданы. Чем более строгим в научном отношении является то или иное сочинение, тем менее заметной оказывается национальная принадлежность его создателя и тем легче оно поддается переводу. Напротив, перевод художественных произведений те компоненты языка, о которых здесь идет речь, заметно усложняют, а часто и вовсе делают невозможным; хотя именно благодаря им создается в значительной степени ценность художественного произведения и языки различаются наиболее существенно.

Употреблю ли я слово Pferd 'лошадь', или Ross 'конь', или Gaul 'лошадка', или Maehre 'кляча', я тем самым отнюдь не выражу различных мыслей. Утверждающая сила мысли не распространяется на то, что отличает эти слова друг от друга. То, что в поэзии можно назвать настроением, нюансом, оттенком, то, что изображается с помощью интонации и ритма, не относится к мысли.

В языке многое предназначено для того, чтобы облегчать слушающему восприятие текста, например выделение какого-либо члена предложения с помощью интонации или порядка слов. Интересны в этом отношении также слова типа noch 'еще' и schon 'уже'. В предложении Alfred ist noch nicht gekommen 'Альфред еще не пришел' сообщается, собственно, что Альфред не пришел, но при этом косвенно указывается, что его прихода ожидают. Речь идет именно о косвенном указании (anduten): нельзя утверждать, что смысл приведенного предложения оказался бы ложным, если бы прихода Альфреда никто не ожидал. Слово aber 'но' отличается от слова und 'и' тем, что с помощью первого выражается косвенное указание на противопоставление между предыдущей и последующей частями предложения. Наличие подобных указаний [букв. Winke - намеков - Прим. перев.], как правило, не приводит к различиям мысли. Можно перестроить предложение таким образом, что глагол будет переведен из активного залога в пассивный, а аккузативное дополнение окажется подлежащим. Точно так же можно, заменив дательный падеж на именительный, употребить не глагол geben 'давать', а глагол empfangen 'получать'. Разумеется, подобные преобразования не во всех отношениях эквивалентны; однако они не затрагивают мысли, они не затрагивают того, что может быть истинным или ложным. Признание недопустимости подобных преобразований затруднило бы всякое более глубокое логическое исследование. Одинаково важно как уметь абстрагироваться от таких различий, которые не затрагивают главного, так и уметь выделять те различия, которые касаются существа дела. Однако что именно является существенным - зависит от наших целей. Тому, кто обращает внимание на красоту языка, может показаться важным то, что безразлично для логика.

Таким образом, содержание предложения нередко оказывается шире, чем выраженная в нем мысль. Но часто верным оказывается и обратное, когда слово само по себе, то есть последовательность звуков, которая может быть зафиксирована на письме или с помощью

фонографа, оказывается недостаточным для выражения мысли. Настоящее время [Tempus Praesens] употребляется двояким образом: во-первых, для указания на определенный момент времени и, во-вторых, для указания на отсутствие какой-либо временной границы. Последнее происходит в том случае, когда предметом мысли является вневременное или вечное; примером могут служить математические законы. Какой из двух указанных случаев имеет место, специально никак не выражается, и слушающий должен определить это сам. Если с помощью настоящего времени дается указание на определенный момент времени, то для правильного понимания мысли говорящего необходимо знать время произнесения предложения. В этом случае, следовательно, время произнесения предложения влияет на способ выражения мысли. Пусть некто вчера высказал какую-то мысль, употребив при этом слово "сегодня". Если он хочет сегодня воспроизвести ту же самую мысль, то он должен в своей речи заменить слово "сегодня" на слово "вчера". Хотя это та же самая мысль, говорящий должен выразить ее иными словами, чтобы избежать изменения смысла, могущего возникнуть из-за изменения времени произнесения предложения. Сходным образом обстоит дело и с употреблением слов типа "hier" 'здесь', "da" 'там'. Во всех подобных случаях звучание слова само по себе в том виде, как оно может быть передано на письме, не обеспечивает полного выражения мысли; для правильного понимания этой мысли необходимо также знание некоторых обстоятельств произнесения соответствующего предложения, участвующих в выражении мысли. К таким компонентам могут также относиться указательные и другие жесты, направление взгляда и т. п. Точно так же слово "я" в устах различных людей выражает различные мысли, среди которых одни могут быть истинными, а другие ложными.

С употреблением слова "я" в предложении связан еще ряд проблем.

Представим себе следующий случай. Доктор Густав Лаубен говорит: Ich bin verwundet worden 'Меня ранили'. Лео Петер слышит это и рассказывает через несколько дней: Dr. Gustav Lauben ist verwundet worden 'Доктора Густава Лаубена ранили'. Выражает ли последнее предложение ту же мысль, что и предложение, произнесенное самим доктором Лаубеном? Предположим, что Рудольф Лингенс был свидетелем слов доктора Лаубена, а впоследствии услышал и то, что было сказано Лео Петером. Если доктор Лаубен и Лео Петер высказали одну и ту же мысль, то Рудольф Лингенс, владея немецким языком и помня о том, что сказал доктор Лаубен в его присутствии, должен, услышав Лео Петера, сразу же установить, что речь идет об одном и том же событии. Однако знание немецкого языка - это еще не все, если речь идет о собственных именах. Естественно предположить, что лишь для немногих людей в предложении "Доктора Густава Лаубена ранили" выражена целиком определенная мысль. Для полного понимания этого предложения необходимо знать, что означают слова "доктор Густав Лаубен". Если, например, и Лео Петер, и Рудольф Лингенс под словами "доктор Густав Лаубен" подразумевают некоторого единственного врача, который живет в некотором им обоим известном месте, то оба они понимают предложение "Доктора Густава Лаубена ранили" одним и тем же образом, они вкладывают в него одну и ту же мысль. При этом, однако, может быть так, что Рудольф Лингенс не знает доктора Лаубена лично и не знает, что именно доктор Лаубен недавно сказал "Меня ранили". В этом случае Рудольф Лингенс не может знать, что речь идет об одном и том же событии. Поэтому я утверждаю, что в данном случае мысль, высказанная Лео Петером, не тождественна мысли, которую высказал доктор Лаубен.

Предположим, далее, что Херберт Гарнер знает, что доктор Густав Лаубен родился 13 сентября 1875 г. в N и что никто другой не родился тогда же и там же, но не знает, где живет доктор Лаубен в настоящее время и вообще не имеет никаких других сведений о нем. С другой стороны, пусть Лео Петер не знает, что доктор Густав Лаубен родился 13 сентября 1875 г. в N. В таком случае Херберт Гарнер и Лео Петер будут, употребляя имя собственное "доктор Густав

Лаубен", говорить на разных языках, хотя они в действительности и будут этим именем обозначать одного и того же человека: ведь они не будут знать, что делают именно это. Херберт Гарнер будет связывать с предложением "Доктора Густава Лаубена ранили" не ту мысль, которую хотел бы выразить Лео Йетер. Чтобы избежать парадоксального утверждения о том, что Херберт Гарнер и Лео Петер говорят на разных языках, я могу принять, что Лео Петер употребляет имя собственное "Густав Лаубен". В таком случае становится возможным, что Херберт Гарнер будет считать истинным смысл предложения "Доктора Лаубена ранили", в то время как смысл предложения "Густава Лаубена ранили" он, введенный в заблуждение ложными сведениями, будет считать ложным. Таким образом, если принять высказанные предположения, то эти две мысли оказываются различными.

Итак, для имен собственных существенно, каким образом задается тот, та или то, кто ими обозначается. Это может происходить различными способами, и каждый такой способ будет соответствовать особому смыслу предложения, содержащего имя собственное. Различные мысли, которые таким образом получаются из одного и того же предложения, правда, совпадают в отношении истинностного значения, то есть если одна из них истинна, то и все остальные тоже истинны, а если одна из них ложна, то и все остальные ложны. Вместе с тем следует признать и их различие. Необходимо, следовательно, потребовать, чтобы каждому имени собственному был сопоставлен единственный способ, которым задается тот, та или то, кто обозначается этим именем. Выполнение этого требования часто необязательно, однако отнюдь не во всех случаях.

Каждый из нас для самого себя задан, так сказать, наиболее глубоким и специфическим образом, так, как он не может быть задан ни для кого другого. Если, к примеру, доктор Лаубен думает, что его ранили, то он, вероятно, использует при этом указанное специфическое представление о себе самом. Мысль, сформулированная таким образом, может быть постигнута только самим доктором Лаубеном. Теперь предположим, что он захотел сообщить нечто о себе другому человеку. Он не может сообщить ту мысль, которую только он в состоянии постичь. Если же он скажет "Меня ранили", то слово "я" он должен будет употребить в таком смысле, который был бы доступен и для другого человека, приблизительно в смысле "тот, кто в этот момент говорит с тобой", чтобы использовать для выражения мысли те обстоятельства, которые сопутствуют его речи.

В этом случае, однако, возникает следующее сомнение: правомерно ли в принципе утверждение, что мысль, высказанная двумя разными людьми, может быть одной и той же мыслью?

Человек, не искушенный в философии, осознает прежде всего те вещи, которые он может видеть, осязать, одним словом, воспринимать с помощью чувств: деревья, камни, дома и т. п.; он убежден, что и другой человек может точно так же видеть и осязать то же самое дерево, тот же самый камень, которые он сам видит и осязает. В разряд подобных вещей мысль, разумеется, не входит. Может ли она, несмотря на это, обладать по отношению к людям теми же свойствами, что и такой, например, предмет, как дерево?

Даже не-философ рано или поздно оказывается перед необходимостью признать существование внутреннего мира, отличного от мира внешнего: мира, который образуют чувственные впечатления, создания воображения, ощущения, эмоции, настроения; мира склонностей, желаний и решений. Для краткости все эти компоненты - за исключением решений - я буду в дальнейшем объединять под названием "представление" [Vorstellung].

Принадлежат ли мысли этому внутреннему миру? Являются ли они представлениями? Очевидно, что, например, решения представлениями не являются.

Чем отличаются представления от вещей внешнего мира?

(1) Представления не могут быть восприняты ни зрением, ни осязанием, ни обонянием, ни вкусом, ни слухом. Предположим, я совершаю прогулку вдвоем со спутником. Я вижу зеленый луг; у меня возникает зрительное ощущение зеленого. Я обладаю этим ощущением, но я его (ощущение) не вижу.

(2) Представлениями обладают; их имеют. Мы обладаем ощущениями, эмоциями, настроениями, склонностями, желаниями. Представление, которым обладает некоторый человек, составляет содержание его сознания. Луг, лягушки на нем, солнце, их освещающее, - все это существует независимо от того, смотрю я на это или нет. Однако чувственное впечатление зеленого, которым я обладаю, возникает только благодаря мне: я являюсь его, носителем. Нам кажется несообразностью существование в мире боли, настроения или желания самих по себе, без их носителей. Ощущение невозможно без ощущающего. Внутренний мир предполагает того, внутри кого он существует.

(3) Представления требуют существования носителя. Вещи же внешнего мира являются в этом отношении автономными. Мой спутник и я убеждены в том, что мы видим один и тот же луг; однако каждый из нас обладает своим особым чувственным впечатлением зеленого. Я вижу ягоду между зелеными листьями земляники; мой спутник ее не замечает: он дальтоник. Цветовое ощущение, которое он получает от земляничной ягоды, практически не отличается от того, которое он получает от земляничных листьев. Видит ли мой спутник зеленый лист красным, видит ли он красную ягоду зеленой? Или он видит и то, и другое в одном и том же цвете, который вовсе мне не известен? Это вопросы, на которые нет ответа; это, собственно говоря, бессмысленные вопросы. Слово "красный", если оно предназначено не для указания на некоторые свойства вещей, а для обозначения чувственных впечатлений, принадлежащих моему сознанию, применимо только в области моего сознания; в этом случае сравнение моих впечатлений с впечатлениями другого человека невозможно. Для такого сравнения потребовалось бы объединить впечатление, принадлежащее одному сознанию, и впечатление, принадлежащее другому сознанию, в некотором едином сознании. Даже если бы было возможно, так сказать, стереть некоторое представление в некотором сознании и одновременно вызвать некоторое представление в некотором другом сознании, вопрос о тождестве этих двух представлений все равно оставался бы открытым. Быть содержанием моего сознания - настолько существенное свойство любого из моих представлений, что всякое представление, принадлежащее другому человеку, уже в силу одного факта этой принадлежности отличается от моего представления... Для каждого человека невозможно сравнение чужих представлений с его собственными. Я срываю ягоду земляники; я держу ее в руке. Теперь и мой спутник видит ее, ту же самую ягоду; однако каждый из нас обладает своим собственным представлением. Никто другой не может обладать моим представлением; но многие могут видеть ту же самую вещь, что и я. Моя боль не может принадлежать никому другому. Кто-то другой может испытывать сострадание ко мне; но при этом моя боль всегда будет принадлежать мне, а его сострадание - ему. Он не испытывает моей боли, а я не испытываю его сострадания.

(4) Всякое представление имеет только одного носителя; никакие два человека не обладают одним и тем же представлением.

В противном случае представления существовали бы независимо от людей. Является ли вот эта липа моим представлением? Употребляя в своем вопросе выражение "вот эта липа", я, собственно, уже предвосхищаю ответ: с помощью данного выражения я обозначаю нечто, что я вижу и что доступно также восприятию других людей. И здесь возможны два случая. Если мое намерение исполнено, если с помощью выражения "вот эта липа" я действительно нечто обозначаю, то, очевидно, мысль, выраженная в предложении "Вот эта липа является моим представлением", ложна. Если, однако, я не осуществил своего намерения, если я только

предполагаю, что нечто вижу, а в действительности не вижу, если, следовательно, обозначение "вот эта липа" беспредметно [leer], то я, сам того не желая и не подозревая, оказался в области вымысла. В этом случае ни содержание предложения "Вот эта липа является моим представлением", ни содержание предложения "Вот эта липа не является моим представлением" не будут истинными: оба предложения представляют собой высказывания, предмет которых отсутствует. Ответ на поставленный вопрос может быть в этом случае лишь непрямым, имея вид объяснения, что содержание предложения "Вот эта липа является моим представлением" есть вымысел. Правда, и в этом случае я, пожалуй, могу иметь некоторое представление; но его нельзя связывать со словами "вот эта липа". С другой стороны, кто-то еще действительно мог бы обозначить словами "вот эта липа" одно из своих представлений; в этом случае он был бы носителем того, что он обозначил соответствующими словами. Однако он не видел бы той липы, о которой идет речь, и никакой другой человек не видел бы ее и не был бы носителем соответствующего представления.

Теперь я возвращаюсь к поставленному" ранее вопросу: является ли мысль представлением? Если мысль, которую я выражаю, например, в теореме Пифагора, может" быть признана истинной как мной, так и другими людьми, то она не относится к содержанию моего сознания, а я не являюсь ее носителем, хотя и могу вынести суждение относительно ее истинности. Предположим, однако, что то, что я и какой-то другой человек считаем содержанием теоремы Пифагора, не есть одна и та же мысль. В этом случае, вообще говоря, сочетание "теорема Пифагора" было бы неуместно; следовало бы различать "умою теорему Пифагора", "его теорему Пифагора" и т. п. Моя мысль будет содержанием моего сознания, его мысль - содержанием его сознания. Может ли в этом случае смысл "моей теоремы Пифагора" быть истинным, а "его теоремы Пифагора" - ложным? Я говорил, что слово "красный" может быть применимо только в области моего сознания, если считать, что оно обозначает не некоторое свойство вещей, а какие-то из моих чувственных впечатлений. Таким образом, и слова "истинный" и "ложный" могли бы в указанном понимании быть применимы только в области моего сознания, если предположить, что они не должны касаться того, носителем чего я не являюсь, а должны так или иначе обозначать то, что содержится в моем сознании. Тогда истинность была бы ограничена содержанием моего сознания и было бы в высшей степени сомнительно, что в сознании другого человека сможет обнаружиться нечто хотя бы подобное моему.

Если мысль невозможна без человека, сознанию которого она принадлежит, то это - мысль лишь этого человека и никакого другого. В этом случае невозможна и такая наука, которая является общей для многих людей и в которой могут сотрудничать многие люди; вместо этого у меня будет моя наука, точнее, некоторая совокупность мыслей, носителем которых я являюсь, у другого человека - его наука и т. д. Каждый из нас будет заниматься содержанием своего сознания. Противоречие между двумя науками в этом случае невозможно; более того, споры об истине становятся праздными, такими же праздными и даже, быть может, смешными, как споры двух людей о том, настоящая ли банкнота в сто марок в той ситуации, когда каждый из спорящих имеет в виду ту банкноту, которую он держит у себя в кармане, да к тому же употребляет слово "настоящий" в особом, лишь ему одному понятном смысле. Если кто-либо считает мысли представлениями, то, что он признает истинным, является лишь содержанием его сознания и в сущности никак не соотносится с другими сознаниями. И если бы он услышал от меня, что мысль не является представлением, он не стал бы оспаривать мое мнение, ибо и оно не имело бы для него никакого значения.

Итак, мы приходим, по-видимому, к тому, что мысли не являются ни вещами внешнего мира, ни представлениями.

Следует, таким образом, выделить третью область. Элементы, входящие в эту область, совпадают с представлениями в том отношении, что не могут быть восприняты чувствами, а с вещами внешнего мира - в том, что они не предполагают наличия носителя, сознанию которого они принадлежат. Так, например, мысль, которую мы выражаем в теореме Пифагора, является истинной безотносительно ко времени, истинной независимо от того, существует ли некто считающий ее истинной. Она не предполагает никакого носителя. Она является истинной отнюдь не только с момента ее открытия, подобно тому как планета, даже и не будучи еще обнаруженной людьми, находится во взаимодействии с другими планетами.

Но здесь, мне кажется, я могу предвидеть одно, несколько необычное, возражение. Я много раз предполагал, что если я вижу некоторую вещь, то и другой человек может его увидеть. Но вдруг все сущее есть лишь призрачный сон? Если моя прогулка в сопровождении спутника - лишь создание моего воображения, если мне лишь грезится, что мой спутник, подобно мне, видит зеленый луг, если все это - лишь пьеса на подмостках моего сознания, то само существование вещей внешнего мира является в этом случае крайне сомнительным. Быть может, царство вещей призрачно, и я в действительности не вижу ни вещей, ни людей, а обладаю лишь представлениями, носителем которых являюсь я один. То, что может существовать независимо от меня не в большей степени, чем, например, мое ощущение усталости, то, что является представлением, - то не может быть человеком, не может вместе со мной смотреть на луг, не может видеть ягоду, которую я держу. Но, в сущности, утверждение, что вместо всего окружающего меня мира, в котором я передвигаюсь и действую, я обладаю лишь своим внутренним миром, является абсолютно невероятным. И вместе с тем оно является непреложным следствием из того тезиса, что предмет моего рассмотрения может быть лишь то, что является моим представлением. Что должно следовать из этого тезиса, если он истинный? Существуют ли в этом случае другие люди? В принципе их существование допускается, но я не могу о них ничего знать: дело в том, что человек не может быть моим представлением, а следовательно, если рассматриваемый тезис истинный, не может быть и предметом моего рассмотрения. И, таким образом, разрушается та основа, на которой были построены все мои рассуждения: утверждение о существовании предметов, которые могут восприниматься не только мной, но и другими людьми: ведь если даже такой предмет и обнаружится, то я не смогу ничего узнать об этом. Для меня окажется невозможным отличить то, носителем чего я являюсь, от того, носителем чего я не являюсь. Вынося суждение о том, что нечто не является моим представлением, я тем самым делаю это нечто предметом моего мышления и, следовательно, мы видим вещь, мы обладаем представлением, мы постигаем или мыслим некоторую мысль. Постигая или мысля мысль, мы не создаем ее, а лишь вступаем с тем, что уже существовало раньше, в определенные отношения, которые отличаются и от зрительного восприятия вещи, и от обладания представлением. моим представлением. Существует ли тогда зеленый луг? Возможно; но он будет для меня невидим. Действительно, если луг не является моим представлением, то он - согласно рассматриваемому тезису - не может быть предметом моего рассмотрения. Если же он является моим представлением, то он невидим: ведь представления невидимы. Я, конечно, могу обладать представлением о зеленом луге, но оно не будет зеленым - зеленых представлений не существует. А существует ли, например, снаряд весом 100 кг? Возможно; но я не смогу ничего о нем узнать. Если снаряд не является моим представлением, то он - в соответствии с нашим тезисом - не может быть предметом моего рассмотрения, моего мышления. Если же снаряд является моим представлением, то он не может иметь вес. Я могу иметь представление о тяжелом снаряде; это представление содержит в качестве своей составной части представление о тяжести. Но это последнее, являясь частью моего совокупного представления, не является его свойством - точно так же как Германия не

является свойством Европы. Таким образом, мы приходим к следующему:

Тезис, согласно которому предметом моего рассмотрения может быть лишь то, что является моим представлением, либо ложен, либо все мои знания и весь мой опыт ограничиваются областью моих представлений, подмостками моего сознания. В этом случае я могу обладать только внутренним миром, а о других людях я не буду знать ничего.

Удивительно, как переходят друг в друга противоположности в подобных рассуждениях. Возьмем, например, специалиста по физиологии чувств. Как подобает ученому-естествоиспытателю, он вначале вполне далек от того, чтобы считать своими представлениями вещи, которые он, по его убеждению, видит и осязает. Напротив, в чувственных ощущениях он склонен видеть надежнейшие источники сведений о вещах, которые существуют абсолютно независимо от его эмоций, воображения, мыслей и которые не обязательно обладают его сознанием. Нервные волокна, нервные узлы он настолько не признает содержанием своего сознания, что он, напротив, скорее склонен рассматривать свое сознание как зависящее от нервных волокон и нервных узлов. Он утверждает, что лучи света, попав в глаз, встречают на своем пути окончания зрительных нервов и вызывают в них некоторое изменение, некоторое раздражение. Оттуда нечто с помощью нервных волокон передается дальше и достигает нервных узлов. Затем, возможно, в нервной системе происходят другие процессы, и в результате возникают цветовые ощущения, которые связываются с тем, что мы, вероятно, назовем представлением о доме. Мое представление о доме отделено от дома целым рядом физических, химических, физиологических процессов. Непосредственно же с моим сознанием оказываются связанными, по-видимому, лишь процессы в моей нервной системе; причем у каждого человека, смотрящего на дерево, возникают его индивидуальные процессы в его индивидуальной нервной системе. С другой стороны, лучи света, прежде чем попасть в мои глаза, могут быть отражены некоторой зеркальной поверхностью и начать распространяться далее таким образом, как если бы они исходили из точки, расположенной за зеркалом. Воздействие на зрительные нервы и все последующее будут в этом случае происходить точно так, как это происходило бы, если бы лучи света исходили от дерева, расположенного за зеркалом, и непосредственно попадали в глаз. В конце концов у человека возникает представление о дереве, хотя подобного дерева в действительности не существует. Отклонение световых лучей может воздействовать на глаза и нервную систему таким образом, что вызовет представление, которое ничему не соответствует. Более того, раздражение зрительных нервов не обязательно происходит только под воздействием света. Если вблизи от нас ударяет молния, нам представляется, что мы видим пламя, хотя саму молнию мы видеть не можем. В этом случае зрительный нерв раздражается, по-видимому, электрическими токами, которые возникают в нашем теле вследствие удара молнии. Поскольку зрительный нерв в ответ на это испытывает такое же раздражение, какое он испытал бы в ответ на световые лучи, исходящие от пламени, то нам кажется, что мы видим пламя. Существенным оказывается лишь факт раздражения зрительного нерва; как именно это последнее возникает - для человека безразлично.

Можно продвинуться еще на один шаг. Собственно говоря, раздражение зрительного нерва не дано нам непосредственно, оно является лишь предположением. Мы полагаем, что некоторая независимая от нас вещь раздражает нерв и в результате возникает чувственное впечатление; но, строго говоря, мы ощущаем только конечный этап этого процесса, который и фиксируется нашим сознанием. Разве это чувственное впечатление, это ощущение, которое мы возводим к раздражению нерва, не может иметь и других причин, подобно тому как одно и то же раздражение может возникать в силу различных обстоятельств? Если мы будем называть это представлением, проникающим в наше сознание, то тем самым окажется, что мы ощущаем лишь представления, а не их причины. И если исследователь захочет избавиться от всего, что является

только предположением, то у него останутся одни представления; все растворится в представлениях - и световые лучи, и нервные волокна, и нервные узлы, из которых он исходил. Так он, в конце концов, разрушает основы своей собственной постройки. Значит, все является представлением? Значит, все предполагает носителя, без которого не существует представления? Я считаю себя носителем моих представлений; но не являюсь ли и я сам представлением? Я нахожусь в таком положении, как если бы я лежал на кушетке и видел увесистые носки сапог, верх брюк, жилет, пуговицы, части сюртука (особенно рукава), две руки, несколько волосков бороды, размытые очертания носа... И все же множество зрительных впечатлений, это совокупное представление - это я сам? Я нахожусь в таком же положении, как если бы я видел на этом месте стул. Стул является представлением, однако я не так уже сильно отличаюсь от него: разве я сам не являюсь точно так же совокупностью чувственных впечатлений, представлением? Но кто же в таком случае носитель этих представлений? Как мне удастся вычленив одно из этих представлений и представить его в качестве носителя других представлений? Почему этим представлением является то, которое я имею обыкновение называть словом "я"? Разве я не могу с тем же успехом выбрать для этой цели такое представление, которое я обычно называю словом "стул"? И для чего вообще нужен носитель представлений? Если бы таковой существовал, он был бы всегда чем-то отличным от обычных представлений, имеющих носителя, чем-то самостоятельным, независимым, не допускающим никакого другого носителя. Если все является представлением, то не существует и носителя представлений. И таким образом мы еще раз наблюдаем, как противоположности переходят друг в друга. Если не существует носителя представлений, то не существует и представлений, ибо представления предполагают носителя, без которого они не могут возникнуть. Если нет господина, то не может быть и подданных. Неавтономность, которую я вынужден был признать у ощущений в отличие от субъекта ощущений, отменяется, если носителя ощущений более не существует. То, что я называл представлениями, превращается, следовательно, в самостоятельные предметы, и нет никакой причины уделять особое место тому предмету, который я называю словом "я".

Но возможно ли подобное? Может ли существовать переживание без того, кто это переживание испытывает? Чем было бы все это зрелище без единого зрителя? Может ли существовать боль без того, кто испытывает боль? Боль, бесспорно, есть объект ощущения, но и субъект ощущения сам становится его объектом. В таком случае существует и то, что не является моим представлением, но может быть предметом моего рассмотрения, моего мышления; сам я есть предмет того же рода. Но, возможно, я способен быть частью содержания своего сознания, в то время как другой его частью является, например, представление о луне? Имеет ли место такое положение, например, в том случае, когда я высказываю суждение, что я смотрю на луну? Тогда первая часть моего сознания будет обладать сознанием, а часть содержания этого сознания будет снова мной, и т. д. Но то, что я так до бесконечности вкладываюсь в себя самого, представляется все же невыносимым: ведь в этом случае должен существовать не один я, а бесконечно много. Я не являюсь своим собственным представлением, и если я нечто утверждаю о себе самом, например что я в данный момент не испытываю боли, то мое суждение имеет отношение к тому, что не является содержанием моего сознания, не является моим представлением, а именно ко мне самому. Таким образом, то, о чем я делаю некоторое утверждение, не обязательно является моим представлением. Однако мне могут возразить следующее. Когда я думаю, что в данный момент я не испытываю боли, то разве слову "я" не соответствует ничего в содержании моего сознания? И не является ли это представлением? Такое, действительно, возможно. С представлением, воплощенным в слове "я" в моем сознании, действительно, может быть связано некоторое представление. Но в этом случае оно будет таким

же, как и все другие представления и я буду его носителем, как и всех других представлений. Я обладаю представлением о себе самом, но я не являюсь этим представлением. Необходимо строго различать то, что является содержанием моего сознания, моим представлением, и то, что является предметом моего мышления. Следовательно, тезис, согласно которому предметом моего рассмотрения, моего мышления может быть лишь то, что относится к содержанию моего сознания, является ложным.

Теперь уже я могу беспрепятственно утверждать, что не только я, но и другой человек способен быть самостоятельным носителем представлений. Я обладаю представлением о другом человеке, но я не смешиваю это представление с ним самим. И если я произношу некоторое утверждение о моем брате, то это утверждение относится к моему брату, а не к моему представлению о нем. Больной, который испытывает боль, является носителем этой боли; однако врач, который размышляет о причинах этой боли, не является носителем этой боли. Врачу никогда не придет в голову считать, что, введя себе обезболивающее лекарство, он тем самым устранил боль и у своего пациента. Правда, с болью пациента может быть связано некоторое представление о ней в сознании врача; но это представление не есть боль, не есть то, на устранение чего направлены усилия врача. Представим себе, что этот врач пригласил еще одного своего коллегу. В этом случае мы должны различать: во-первых, боль, носителем которой является больной; во-вторых, представление одного врача об этой боли; в-третьих, представление другого врача об этой же боли. Это представление хотя и принадлежит к содержанию сознания обоих врачей, но не является предметом их размышлений; в крайнем случае оно может играть вспомогательную роль в их размышлениях (какую мог бы играть, например, рисунок). Оба врача имеют дело с одним и тем же предметом - с болью их пациента; носителями же этой боли они не являются. Отсюда следует, что не только вещь, но и представление может быть общим предметом мышления нескольких различных людей, не обладающих этим представлением.

Итак, дело обстоит, по-видимому, следующим образом. Если бы человек не мог выбирать в качестве предметов своего мышления то, носителем чего он не является, у него был бы только его внутренний мир, а внешний мир отсутствовал бы. Но не основано ли это утверждение на ошибке? Я убежден, что представление, которое я связываю со словами "мой брат", соответствует чему-то, что не является моим представлением и о чем я могу высказать определенное суждение. Но не могу ли я заблуждаться? Подобные заблуждения встречаются. В этом случае мы вопреки нашему намерению впадаем в вымысел. Действительно, признавая существование внешнего по отношению ко мне мира, я подвергаю себя опасности заблуждения. И здесь я сталкиваюсь с еще одним различием между моим внутренним миром и внешним миром. У меня не может быть сомнений в том, что я обладаю зрительным впечатлением зеленого; однако у меня гораздо меньше оснований быть уверенным в том, что я вижу, например, именно лист липы. Таким образом вопреки широко распространенному убеждению мы обнаруживаем во внутреннем мире надежность, в то время как с переходом во внешний мир сомнение нас никогда не покидает полностью. Несмотря на все усилия, вероятное во многих случаях с трудом отличимо от очевидного, так что суждение о вещах внешнего мира требует от нас некоторой смелости. И мы должны смириться даже с опасностью заблуждения, если мы не хотим стать жертвами еще больших опасностей.

Из приведенных рассуждений я делаю следующий вывод: не все то, что может быть предметом моего познания, является представлением. Я, будучи носителем представлений, сам не являюсь представлением. Теперь можно беспрепятственно признать и существование других людей, носителей представлений, подобно мне самому. И, однажды вступив на этот путь, следует признать и то, что в большинстве случаев мы имеем дело с вероятным, которое, на мой

взгляд, почти не отличается от очевидного. Существовала ли бы иначе такая наука, как история? Не было бы иначе всякое учение о долге, всякое право несостоятельным? Что осталось бы тогда от религии? Да и естественные науки могли бы считаться только вымыслом, чем-то вроде астрологии или алхимии. Таким образом, рассуждения, приведенные выше и исходящие из того, что, кроме меня, существуют и другие люди, которые могут иметь общие со мною предметы рассмотрения и мышления, остаются в значительной степени в силе.

Не все является представлением. Таким образом, я могу признать, что и мысль независима от меня, так как ту мысль, которую постиг я, могут постигнуть и другие люди. Я могу признать существование науки, в которой способны сотрудничать многие исследователи. Мы не являемся носителями мыслей в той степени, в какой мы являемся носителями представлений. Мы обладаем мыслью не так, как мы обладаем, например, чувственным впечатлением; но мы воспринимаем мысль и не так, как мы воспринимаем, например, звезду. Поэтому необходимо выбрать для обозначения этого отношения специальное выражение; наиболее подходящим для этого нам представляется слово "постигать". Постижение мыслей должно соответствовать особой духовной способности, мыслительной силе. В процессе мышления мы не производим мыслей, мы постигаем их. То, что я назвал мыслью, находится в теснейшей связи с истинностью. То, что я признаю истинным, об истинности чего я выношу суждение, является истинным совершенно независимо от того, думаю ли я об этом вообще. К истинности мысли не имеет отношения то обстоятельство, что эта мысль кому-то принадлежит. "Факты! Факты! Факты!" - восклицает естествоиспытатель, желая подчеркнуть необходимость более надежного обоснования науки. Что такое факт? Факт - это такая мысль, которая истинна. Но в качестве более надежного обоснования науки естествоиспытатель, конечно же, не признает то, что зависит от такого непостоянного параметра, как состояние человеческого сознания. Труд ученого состоит не в созидании, а в открытии истинных мыслей. Астроном может использовать математические истины для исследования давно минувших событий, которые происходили тогда, когда на Земле еще никто не мог засвидетельствовать истинность чего бы то ни было. Астроном может это сделать, поскольку истинность мысли безотносительна ко времени. Таким образом, истина не обязательно возникает только в момент ее открытия.

Не все является представлением. Иначе психология заключала бы в себе все науки или, по крайней мере, была бы высшим авторитетом по отношению ко всем остальным наукам; иначе психология господствовала бы даже в логике и математике. Ничто, однако, не противоречит духу математики в такой степени, как ее зависимость от психологии. Ни логика, ни математика не имеют задачи исследовать духовный мир и сознание, носителем которых является отдельный человек. Скорее, их задачей можно было бы считать исследование разума - разума, а не души.

Постижение мысли предполагает существование того, кто ее постигает, того, кто мыслит. Он является, следовательно, носителем мышления, но не мысли. Хотя мысль и не входит в содержание сознания того, кто мыслит, тем не менее в сознании должно иметься нечто, что соотносится с мыслью. Но это последнее не следует смешивать с самой мыслью. Так, звезда Алголь сама по себе отличается от представления об Алголе, которым обладает тот или иной человек.

Мысль не относится ни к представлениям из моего внутреннего мира, ни к внешнему миру, миру чувственно воспринимаемых вещей.

Сказанное, как бы непреложно оно ни следовало из приведенных выше рассуждений, тем не менее принимается не без некоторого сопротивления. Я думаю, что не исключено существование человека, которому покажется невозможным получать сведения о том, что не относится к его внутреннему миру, способом, отличным от чувственного восприятия. Действительно, чувственное восприятие часто рассматривается как самый надежный или даже

как единственный источник сведений обо всем, что не относится к внутреннему миру. Но на каком основании? Существенной частью чувственного восприятия являются чувственные впечатления, а эти последние являются частью внутреннего мира. Два разных человека никогда не обладают одним и тем же внутренним миром, хотя они и могут испытывать сходные впечатления. Эти последние сами по себе не открывают нам внешнего мира. Можно представить себе такое существо, которое обладает только чувственными впечатлениями, не видя и не осязая вещей. Обладать зрительными впечатлениями - еще не значит видеть вещи. Почему я вижу дерево именно там, где я его вижу? Очевидно, причина заключается в зрительных впечатлениях, которыми я обладаю, а также в тех специфических впечатлениях, которые возникают оттого, что я вижу двумя глазами. На сетчатке каждого глаза возникает, говоря языком физики, некоторое особое изображение. Другой человек видит дерево на том же самом месте. На сетчатке его глаз также существуют два изображения, которые, однако, отличаются от моих. Мы должны принять, что эти изображения на сетчатке глаз существенны для наших впечатлений. Следовательно, мы обладаем не только нетождественными, но даже заметно отличающимися друг от друга зрительными впечатлениями. Но ведь мы все живем и перемещаемся в одном и том же внешнем мире. Обладать зрительными впечатлениями, конечно, необходимо для зрительного восприятия вещей, однако недостаточно. То, что является недостающим элементом, не относится к области чувств, и именно благодаря ему для нас открывается внешний мир: без этого внечувственного элемента каждый человек оказался бы замкнутым в своем внутреннем мире. Поскольку решение проблемы заключается во внечувственном элементе, то он мог бы и в тех случаях, когда чувственных впечатлений нет, вывести нас за пределы внутреннего мира и позволить нам постичь мысль. Помимо своего внутреннего мира, следовало бы различать собственно внешний мир чувственно воспринимаемых вещей и область того, что не может быть воспринято с помощью чувств. Для признания обеих областей мы нуждаемся во внечувственном; но при чувственном восприятии вещей мы испытываем потребность и в чувственных впечатлениях, а последние всецело принадлежат внутреннему миру. Таким образом, то, на чем преимущественно основано различие между данностью вещи и данностью мысли, является атрибутом внутреннего мира и не принадлежит ни одной из двух областей мира внешнего. Поэтому данное различие я не могу считать слишком большим, чтобы сделать невозможным существование мысли, не принадлежащей внутреннему миру. Правда, мысль не является тем, что мы привыкли называть действительным. Мир действительности - это мир, в котором одно воздействует на другое, одно изменяет другое и само подвергается обратному воздействию, изменяющему и его. Все это суть события [Geschehen], происходящие во времени. То, что вневременно и неизменно, мы едва ли признаем действительным. Подвержена ли мысль изменениям или она вневременна? Мысль, высказанная в теореме Пифагора, очевидно, вневременна, вечна, неизменна. Но не существует ли таких мыслей, которые сейчас являются истинными, а через полгода окажутся ложными? Например, мысль, что вот это дерево покрыто зеленой листвой, очевидно, будет ложной через полгода? Нет: через полгода это будет уже другая мысль. Последовательность "вот это дерево покрыто зеленой листвой" сама по себе недостаточна для выражения мысли: необходимо учесть также время ее произнесения. Без соотнесения со временем, которое заключено в этих словах, не будет законченной мысли, то есть вообще не будет мысли. Только то предложение выражает мысль, которое является законченным и во всех отношениях самостоятельным в результате соотнесения со временем. Но такое предложение, если оно истинно, истинно не только сегодня или завтра; оно истинно безотносительно ко времени. Настоящее время в словах "является истинным", таким образом, не указывает на момент произнесения, а обозначает, если можно так выразиться, время вневременное. Когда мы употребляем обычную форму утвердительного

предложения, избегая слова "истинный", необходимо различать выражение мысли и утверждение. Содержащееся в предложении указание на временную соотнесенность связано только с выражением мысли, в то время как истинность, признание которой заключается в форме утвердительного предложения, безотносительна ко времени. Правда, одна и та же последовательность может в силу изменчивости языка со временем приобрести другой смысл и начать выражать другую мысль; но в этом случае изменения касаются языковой стороны.

И все же, какую ценность может представлять для нас вечно неизменное, не способное ни воздействовать на нас, ни испытывать наше воздействие? Нечто полностью и во всех отношениях недейственное должно быть также полностью недействительным и не существующим для нас. Даже безотносительное ко времени может каким-то образом оказаться связанным с временной последовательностью, если оно нечто значит для нас. Чем бы была для меня мысль, если бы она не была постигнута мной? Но в процессе постижения мысли я оказываюсь в определенном отношении к ней, а она - ко мне. Мысль, пришедшая мне в голову сегодня, вчера могла быть чужда моему сознанию. Тем самым, строгая безотносительность мыслей ко времени некоторым образом устраняется. Естественно, однако, различать существенные и несущественные свойства, и, следовательно, можно признать безотносительным ко времени то, что изменяется лишь в отношении своих несущественных свойств. Несущественным же мы будем считать такое свойство мысли, которое заключается в том или следует из того, что мысль постигается некоторым человеком.

Как действует мысль? В силу того, что она постигается и признается истинной. Это- процесс, происходящий во внутреннем мире того, кто мыслит, процесс, могущий иметь дальнейшие следствия в этом внутреннем мире, которые, будучи перенесенными в область волеизъявления, становятся заметными и во внешнем мире. Если я, например, постигаю мысль, выраженную в теореме Пифагора, то следствием может быть то, что я признаю ее истинной и, далее, что я ее применю, принимая решения, которые способствуют движению человека вперед. Таким образом, наши действия обычно подготавливаются нашими мыслями и суждениями. И, таким образом, мысли могут непосредственно влиять на развитие людей. Воздействие человека на человека чаще всего осуществляется посредством мысли. Мысль может быть передана, сообщена. Как это происходит? Один человек осуществляет изменения во внешнем мире, которые, будучи восприняты другим человеком, должны побудить его к тому, чтобы постигнуть мысль и определить ее истинность. Великие события мировой истории не могли, по всей вероятности, произойти, если бы не существовало передачи мыслей. Вместе с тем мы предпочитаем считать мысли недействительными, поскольку они непосредственно не включаются в ход событий, тогда как мышление, суждение, выражение, понимание- все это деяния людей. Каким всецело реальным предстает для нас, например, молоток по сравнению с мыслью! Насколько отличается процесс передачи молотка от процесса передачи мысли! Молоток переходит от одного владельца к другому, он испытывает воздействие человеческих рук; при этом его плотность, взаимное расположение его частей могут в какой-то мере измениться. Ничего этого не происходит при передаче мыслей другому человеку: мысль не может менять владельца, так как человек вообще не властен над мыслью. Когда мысль постигается, она вызывает изменения вначале во внутреннем мире того, кто ее постигает; однако сама она в основе своего бытия остается незатронутой, так как изменения, которые она испытывает, касаются лишь несущественных свойств. Здесь отсутствует то, что мы встречаем во всяком природном событии: взаимодействие. Мысли отнюдь не являются недействительными, но их действительность совсем другого рода, чем действительность вещей. И их воздействие происходит вследствие действий того, кто мыслит, хотя они и сами по себе не являются недейственными, по крайней мере насколько мы можем видеть. Тот, кто мыслит, не создает

мыслей: он должен принимать их такими, как они есть. Они могут быть истинными, даже не будучи еще никем постигнутыми, и являются и в этом случае не вполне недействительными, по крайней мере потому, что они в принципе могут быть постигнуты и тем самым приведены в действие.

Конец формы

1